

Ю. ЦУНВАЗО

О ДВУСЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Словообразование сложных существительных в дунганском языке имеет свои специфические особенности, связанные с тональной структурой сложных слов, с разграничением корней от слов и т. д. Здесь мы подробно не останавливаемся на этих вопросах, так как они уже освещались в свое время в печати.¹

Двусложные существительные занимают исключительно большое место в лексике дунганского языка, отличаются разнообразием синтаксико-семантического отношения своих компонентов, они характеризуются также разнообразием морфологической структуры своих компонентов.

Эти существительные отличаются не только разнообразием морфологической структуры и синтаксико-семантическим отношением своих компонентов, но и разнообразием способов своего образования. Существуют различные способы словообразования двусложных существительных: они могут быть образованы сложением различных по значению корней, синонимов и антонимов, посредством редупликации однословных корней, а также с помощью суффиксов.

Исключительно большой продуктивностью обладает тип словообразования двусложных существительных посредством сложения различных по значению двух однословных корней, причем последние могут принадлежать к различным грамматическим классам слов. У преобладающего большинства двусложных существительных вторым компонентом является существительное или глагол, а в качестве первого компонента могут выступать различные грамматические классы слов, что и было положено нами в основу структурно-морфологической классификации рассматриваемых существительных.

По принадлежности вторых компонентов к той или иной части речи двусложные существительные бывают следующих двух типов: 1) Двусложные существительные, второй слагаемый компонент которых является существительным. 2) Двусложные существительные, второй слагаемый компонент которых — глагол.

Первый тип представлен такими подтипами: 1) «существительное + существительное»: гун — труд + ган — день — гунган — трудодень; 2) «прилагательное + существительное»: хун — красный + туа — цветок — хунтуа — шафран; 3) «глагол + существительное»: лян — соединить + шу — рука —

¹ «Известия АН КазССР», 1955, серия филологии и искусствоведения, кн. 3-4, стр. 74-88.

и, даже сии-
ее влияние
ение). Пол-
омывки зна-
сле промыв-

промывки,
полученный

ию, возмож-
ных карт;
поливыв про-
ренцировать
еским свой-
каких гори-
в травополь-
постоянном
о экономное

Гурьевской
ых культур,
не менее
более.

EDV-Leszone - Nicht beschliffen: 294 Aus: Zahl d. Bände		479390 Bestellnummer		479390 Fragestempel	
Bibliografischer Nachweis GAK: GIK: VK: 808: Z 442 vom 15.8.51, 206 (77 6853/5) GMS: 7, 12 (10.51) K. 144 (14.7861)		42 gms 1589: 1956		294 Fragestempel	
Benutzer Name: Riedlinger Heinz Universitätsbibliothek F. O. N. N. O. DM 0,50 108 084 112019		Bei Aufträgen: Verf., Titel, Seitenangabe oder Tsunvazo, Ju.: "O Dvuslozhnykh Sushchestvi- tel'nykh Sovremennogo Dunganskogo Jazyka" S. 53-66		Zahl der Bände: 1 Universitätsbibliothek Postfach 10 21 48 4630 Bochum 1	
Dieser Abschnitt muß bis zur Rücksendung im Buch bleiben		Nur stark umgedruckte Teile (mit Schreibmaschine) ausleihen.		Falls nicht bis Zahl der Bände: _____ einleigt, zurück	
Universitätsbibliothek Postfach 10 21 48 4630 Bochum 1		Belitzer: Name, Vorname des Verf., Titel, Aufl., Erg.-ort u. -jahr, ggf. Serie u. Bd., ISBN Zeitstreifen: Zeilennummer, Blatt- und Seitenzahl Vestnik AN Kazakhskoy SSR (Kazak SSR Gylym Akademiyasyyn Khabarshysy/ Herald of the Academy of Science of the Kazakh SSR), no. 8 Alma Ata 1956		Belitzer: Name, Vorname des Verf., Titel, Aufl., Erg.-ort u. -jahr, ggf. Serie u. Bd., ISBN Belitzer: Wunsch- und Unterschrift des Bestellenden 16. APR. 1985 P. V. V. V. V.	
Universitätsbibliothek Postfach 10 21 48 4630 Bochum 1		Falle Kopie/Film/Vergand gegen Beschlagn. bitte Rückfrage mit Preisangabe!		Universitätsbibliothek Postfach 10 21 48 4630 Bochum 1	

= лянцш—друг; 4) «числительное + существительное»: йи—один + щин—сердце = йищин—солидарность.

Второй тип представлен следующими подтипами: 1) «глагол + глагол»: фын—делить + ги—отделять = фынги—разница; 2) «существительное + глагол»: фи—вода + лин—руководить = филин—мираб.

Первый тип словообразования двусложных существительных обладает большой продуктивностью.

В современном дунганском языке не каждая корневая морфема, входящая в состав сложных слов, является грамматически оформленным словом. В зависимости от способности слагаемых компонентов к изоляции, т. е. к самостоятельному употреблению в качестве слов, двусложные существительные можно разделить на три группы:

1) двусложные существительные, оба компонента которых способны к изоляции, т. е. являются самостоятельными словами;

2) двусложные существительные, один из компонентов которых является словом, а второй — корневой морфемой, которая в качестве самостоятельного слова требует оформления соответствующим суффиксом предметности;

3) двусложные существительные, оба компонента которых не способны к изоляции, т. е. не обладают признаками слова.

Наибольшей продуктивностью обладает тип словосложения, представляющий собой соединение двух односложных существительных, имеющих самостоятельное употребление. К этой категории двусложных существительных относятся, например, такие слова, как:

щущин ладонь (шу—рука, щин—сердце),
бинма войско (бин—солдат, ма—лошадь),
шузы подпись (шу—рука, зы—буква),
ханьян пора (хан—пот, нян—отверстие),
гунджан лук (гун—дуга, джан—стрела),
дикын подвал (ди—земля, кын—яма),
фынтфан самолет (фын—ветер, тфан—корабль) и т. д.

При определении синтаксической связи между компонентами этой группы двусложных существительных необходимо исходить из того, выводится ли значение двусложного существительного из значений его компонентов, определяется ли один из его компонентов другим, обладают ли компоненты семантической спаянностью. Компоненты таких двусложных существительных, как, например, *щущин* «ладонь», *фынтфан* «самолет» и т. п., соединены между собой подчинительной связью, в них первые компоненты по смыслу и синтаксически являются определяющими словами, а вторые — определяемыми. Такие двусложные существительные отличаются семантической и синтаксической спаянностью своих компонентов, значения их складываются из значений составляющих компонентов.

От двусложных существительных типа *щущин*, *фынтфан* заметно отличаются характером семантико-синтаксических связей своих компонентов существительные типа *бинма* «войско», *гунджан* «лук», значение которых не складывается из значений их компонентов. Двусложные существительные типа *бинма*, *гунджан* образованы из сочетания однослогов-корней, обозначающих параллельные предметы, между компонентами таких существительных можно вставить соединительный союз *зэмысы* «и»: *бин зэмысы ма* «солдат и лошадь», *гун зэмысы джан* «дуга и стрела». Поэтому, разумеется, двусложные существительные типа *бинма*, *гунджан* не отличаются семантической спаянностью своих компонентов; у таких двусложных существительных компоненты соединены между собою сочинительной связью.

Большую группу слов составляют двусложные существительные, первые компоненты которых выражают частное (видовое) понятие, а вто-

рые — общее (родовое) понятие. Существуют, например, образования, оканчивающиеся на *чян* «деньги»: *гунчян* «зарплата» (гун—труд), *фончян* «квартилата» (фонзы—квартира, дом) и т. д., *джуан* «помещение для содержания скота и птицы»: *нюджуан* «коровник» (ню—корова), *маджуан* «конюшня» (ма—лошадь) и т. д.

В современном дунганском языке функционирует незначительное число двусложных существительных, значение которых также не складывается из значений их компонентов; они отличаются от двусложных существительных типа *бинма*, *гунджан* тем, что у них один из компонентов, являясь основным, сам по себе может обозначать то же самое, что и в сочетании с другим однослогом, являющимся формальным определяющим элементом, например:

- а) *маджон* подкова (ма—лошадь, джон—подкова),
мадын стремя (ма—лошадь, дын—стрема),
тшэва шина (тшэ—телега, ва—шина),
фиджин колодец (фи—вода, джин—колодец) и др.
б) *цэхуо* дрова (цэ—дрова, хуо—огонь),
понфон амбар (пон—амбар, фонзы—дом),
гуйтув страна, государство (гуй—страна, государство, тув—земля).

Как явствует из приведенных примеров, у двусложных существительных группы «а» первые компоненты, а у группы «б» вторые компоненты являются формальными элементами, которые привлекаются в таких случаях для того, чтобы избежать возможного смешения основных компонентов с их омонимами, ср. *цэ* «недавно», «кровать», «дрова», но *цэхуо* обозначает только «дрова».

Как уже было сказано, в кругу двусложных существительных встречаются и такие, у которых один из компонентов является самостоятельным словом, а другой — корневой морфемой, употребление которой в качестве самостоятельного слова обусловлено морфологическим оформлением ее соответствующим суффиксом предметности. Порядок расположения компонентов в данном случае зависит не от способности тех или иных компонентов к изоляции, а от их синтаксико-семантической связи. Поэтому корневая морфема, являющаяся носителем грамматической оформленности, может войти в состав двусложных существительных как в качестве первого, так и в качестве второго компонента, что можно проиллюстрировать на следующих примерах:

джаншэ валенки (джан—кошма, шэзы—сапоги),
фийин ртуть (фи—вода, йинзы—серебро),
латэ подсвечник (ла—свеча, тэзы—помост),
зыдзя ногти (зыту—палец, джа—панцырь),
шыхуэй известь (шыту—камень, хуэй—зола),
хынфу урюк (хынзы—урюк, фу—дерево) и т. д.

Значение компонентов таких двусложных существительных, неспособных к изоляции в качестве самостоятельных слов без оформления тем или иным суффиксом предметности, легко воспринимается благодаря частоте употребления их в составе сложных слов, а также по значению сложных слов, складываемому из значений соединяемых компонентов. Так, например, однослог-корень *шы*, который как самостоятельное слово в значении «камень» употребляется только будучи оформленным суффиксом *ту*, встречается в качестве составного компонента ряда двусложных и трехсложных существительных: *шыджен* «каменщик», *йуцы* «мрамор», *хуошы* «кремень», *мэшы* «брусок», *мэпаныш* «жернов» и т. п.

Небольшую группу составляют двусложные существительные, оба

¹ «Русско-дунганский терминологический словарь по естествознанию», Фрунзе—Казань, 1938, стр. 11.

компонента которых не являются грамматически оформленными словами, т. е. являются корневыми морфемами, в качестве самостоятельных слов требующими оформления соответствующими суффиксами предметности, например:

дувдэ подпруга (дувзы — живот, дзы — пояс, ремень),
хэсан шинель (хэзы — сукно, санзы — рубаха) и др.

Нельзя сказать, что все двусложные существительные этой группы мотивированы. Так, например, значение *хэсан* «шинель» с точки зрения современного дунганского языка не выводится из значений его составных компонентов, кроме того, оба компонента этого слова почти не встречаются в составе других сложных слов.

Как было сказано выше, в составе некоторых двусложных существительных один из компонентов выступает в роли формального, вне сочетания с которым основной компонент выражает то же самое, что и в сочетании с ним. Выше мы привели несколько примеров, где формальные компоненты обладают всеми признаками слова. Однако встречаются и такие двусложные существительные, где формальные компоненты не обладают самостоятельным значением и употребляются обычно в сочетании с основными компонентами; это можно подтвердить на следующих примерах: *дынзан* «лампа» (дын — лампа), *тандо* «степь» (тан — степь), *тшынну* «город» (тшын — город), *видо* «вкус» (ви — вкус) и т. д.

Стремление языка обеспечить четкость, дифференцированность значения однослогов-корней путем сочетания последних с конкретизирующими их значение однослогами создало, как мы видим, довольно сложное переплетение основных и формальных компонентов.

В качестве определителя значения того или иного однослога-корня используется, разумеется, не всякое слово, а только такое, которое способно точно раскрыть значение определяемого им однослога-корня. Так, например, бытующие в современном дунганском языке двусложные существительные *хуонтфын* «саранча», *фита* «выдра» состоят из определителей *тфын* «насекомое», *фи* «вода» и определяемых *хуон*, *та*. В современном дунганском языке однослоги-корни *хуон* и *та*, слившись с определителями в одно лексическое целое, сами по себе не обозначают «саранча», «выдра». Надо полагать, что они раньше имели самостоятельное употребление в значении «саранча», «выдра». Интересно отметить, что *хуон* и *та* в современном китайском языке также употребляются в сочетании с определителями: *хуанчун*, *шуйта*.² Доказательством того, что эти однослоги-корни обладали самостоятельным значением и употреблением, является и тот факт, что при образовании с их помощью новых сложных слов они в состав последних входят без сочетания с определителями. Например, *фита* «выдра», но *тапи* «шкура выдры»³, ср. *мянхуа* «вата», «хлопок», но *мянцян* «хлопковая пряжа».

Для достижения точности значения *хуон* и *та*, т. е. для разграничения их от омонимов, подобраны точные определители *тфын* и *та*, поскольку саранча является насекомым (тфын), а выдра обитает в воде (фи).

В дунганском языке существует группа однослогов-корней, являющихся определителями отдельной категории предметов. Так, например, однослог *жын* «человек» сочетается с однослогами-корнями, обозначающими названия лиц: *нанжын* «мужчина», «муж», *нужын* «женщина» (ср.

¹ Ев. Иннокентий. «Карманный китайско-русский словарь», Пекин, 1914, стр. 167, 200.

² «Китайско-русский словарь» под ред. проф. И. М. Ошанина, М., 1952, стр. 34, 764.

³ Там же, стр. 764.

нан-ну «мужчины и женщины»), *мыжын* «сват», *минжын* «народ», *дынжын* «население», «народ», «публика», *фанжын* «арестант».

Для установления вспомогательной, уточняющей функции того или иного компонента двусложного существительного в дунганском языке существуют в ряде случаев, как нам кажется, определенные способы. Одним из таких способов является сопоставление с китайским языком. Так, например, в дунганском языке слово «лес» обозначается через двуслог *фулин*, где *фу* означает дерево, а *лин* не обладает значением, а в китайском языке *лин* имеет самостоятельное употребление в значении «лес».¹

Другим способом может служить параллельное употребление двух морфологических форм одного и того же слова, при котором значение слова не изменяется, например: *цонфон* «самбар» и *цон* «самбар». Возможность использования однослога-корня без вспомогательного, уточняющего элемента в образовании новых слов, а также в словосочетании, как мы уже отметили выше, доказывает, что этот однослог когда-то был самостоятельной лексической единицей, например: *мыжын* «сват» и *джян да мый* «назначать старших сватов».

Употребление однослогов-корней в сочетании с вспомогательными элементами-уточнителями сыграло большую положительную роль не только в сокращении числа однослогов-омонимов, но и обеспечило морфологическую оформленность двуслогов-существительных.

Здесь мы ограничились лишь кратким анализом категории двусложных существительных типа *фулин* «лес», *фита* «выдра», *мадын* «стремля», чтобы показать роль сложения корней не только как средства создания новых слов, но и как средства частичного устранения полисемии однослогов. Очевидно, что процесс совершенствования, конкретизации значения того или иного однослога посредством сочетания его с другим однослогом во избежание омонимии происходил постепенно, в течение длительного времени, ибо входившие в основной словарный фонд однослоги-корни не могли, разумеется, так быстро выпасть из языка, наоборот, они сохранились в нем, но в ином оформлении, уже не допускающем дублетности.

Следует отметить, что в ряде случаев значение многих однослогов остается неясным, несмотря на то, что они встречаются в составе значительного числа сложных слов. Так, например, первый компонент не этимологизируемого ныне двуслога *сыдже* «время» не воспринимается в значении «время», хотя мы встречаем его в составе таких слов, как *сыхур* «время», *джисы?* «когда?», *сыдуохур* «всегда», *сосы* «ментально», *сышын* «час» и т. д.

Наряду с указанными категориями двусложных существительных, в современном дунганском языке бытует большая группа двусложных существительных, не поддающихся морфемному анализу, например: *насто* «мусор», *гуйджу* «дисциплина» и т. д. Такие двуслоги, разумеется, требуют специального исследования.

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что в отношении разложимости на составные части двусложные существительные, образованные посредством сложения двух корней-существительных, можно разделить на следующие группы:

1) Двусложные существительные, которые легко разложимы на составные части, например: *шунци* «ладонь», *мышо* «солома» и т. д. Эти

¹ «Китайско-русский словарь» под ред. проф. И. М. Ошанина, М., 1952, стр. 465.

чение таких двусложных существительных часто складывается из значений их компонентов.

2) Двусложные существительные, которые также легко разложимы на составные части, но значение их не выводится из значений составляющих компонентов, поскольку один из них служит для уточнения значения другого компонента, несущего на себе значение всего сложного слова. Например: *фиджин* «колодец», *джубу* «шаг».

3) Двусложные существительные, которые не поддаются расчленению на составные части, хотя значение одного из компонентов известно (*няллу* «слеза», *хуян* «пламя» и т. д.).

4) Двусложные существительные, совершенно не поддающиеся этимологизации ввиду утраты обоими компонентами своего самостоятельного значения и употребления (*досы* «священник», *дусы* «ключ» и т. д.).

Между компонентами двусложных существительных, образованных сложением однослогов-существительных, наблюдаются различные атрибутивные отношения. Однослов-определитель может выражать относительный признак (*джанцуг* «валенки» и т. д.), отношение принадлежности (*шущин* «ладонь» и т. д.), раскрывать, пояснять значение основного компонента, указывая на его принадлежность к определенной категории предметов (*цонфон* «амбар» и т. д.).

Немалое количество слов составляют двусложные существительные, образованные по модели «прилагательное+существительное», для которых (прилагательное) служит для уточнения значения второго, то они насчитываются единицами: *дэ* и *хидэ* «орел» и т. д.

Наибольшей продуктивностью обладают двусложные существительные, у которых вторые компоненты обладают способностью к изоляции. К этой группе относятся слова типа *сынте* «чугун» (сын—сырой, те—железо), *дамын* «ворота» (да—большой, мын—дверь), *хуонми* «пшено» (хуон—желтый, ми—рис) и т. д. В небольшом количестве примеров встречаются двусложные существительные, вторые компоненты которых, являясь корневыми морфемами, в качестве самостоятельных слов требуют оформления соответствующими суффиксами предметности. Например: *богву* «отрыжка» (бо—сытый, гвузы—поток), *хуонду* «соя» (хуон—желтый, дузы—горох) и т. д.

Среди существительных большое место занимают также двусложные, значение одного из компонентов которых в современном дунганском языке для многих остается совершенно неясным. Так, однослов-корень *ён*, хотя и встречается в составе ряда сложных слов (*ёнхуо* «спички», *ёнйу* «картофель», *ёндын-ю* «керосин», *ёнцы* «эмаль», *ёнчин* «цитра», *ёнбу* «миткаль» и т. д.); однако он не воспринимается, как в китайском языке, в значении «заморский».¹

Что касается двусложных существительных, первый компонент которых (прилагательное) служит для уточнения значения второго, то они насчитываются единицами: *дэ* и *хидэ* «орел» и т. д.

Продуктивным является тип сложения корней, первый из которых является глаголом, а второй — существительным.

Существительные этой категории неоднородны по характеру синтаксической связи своих компонентов, поэтому они могут быть разделены на 1) двусложные существительные, компоненты которых соединены между собой определительной связью и 2) двусложные существительные, где компоненты соединяются между собой объектной связью.

Характер синтаксической связи компонентов-глаголов и существительных зависит не от морфологической оформленности первых компо-

¹ Указ. Китайско-русский словарь под ред. Ошанина, стр. 242.

нентов-глаголов, а от значения сложного слова, от характера подчинения второго компонента первому, от того, из чего сложилось понятие, выраженное двуслогом, от «...подчиненности отдельных значений, которые могут выделяться в нем, общему его значению, так и связанности друг с другом различных его значений».¹

К числу двусложных существительных, где первые компоненты-глаголы выступают с определительным значением, относятся слова типа *двафан* «плов» (два—брать рукой, фан—кушанье), *тэхуо* «приправа» (тэ—положить в пищу, хуо—товар) и т. д. Первые компоненты таких двусложных существительных обозначают не действие, а назначение, качество, способ употребления, приготовления предметов. В соотносительных словосочетаниях такие глаголы в определительном значении оформляются причастным суффиксом *-ди*: *тэди хуо* «товар, служащий для приправы» и *тэхуо* «приправа», *двади тшыди фан* «кушанье, которое кушают рукой» и *двафан* «плов». Первые компоненты двусложных существительных типа *банцо* «сечка» (корм), указывая на способ приготовления определяемых ими предметов, в соотносительных словосочетаниях в определительном значении оформляются причастными суффиксами *-хад*: *банхад* *цо* «перемешанное с чем-нибудь (отрубями) сено» и *банцо* «сечка».

Краткий анализ этой категории существительных с точки зрения синтаксической связи их компонентов показывает, что такие двуслоги представляют собой результат перехода словосочетаний в сложное слово. В этих случаях переход словосочетания в сложное слово сопровождается выпадением причастных суффиксов, которыми оформляются глаголы в определительном значении в качестве составной части словосочетания. Как совершенно правильно отмечает А. А. Драгунов, «...в составе сложных слов, в противоположность словосочетаниям, не требуется суффикса *-ди* при глагольном корне с определительным значением».²

Если бы первый компонент таких двусложных существительных, как *тэхуо* «приправа», выражал действие, то вместо лексических единиц, разумеется, мы имели бы словосочетания («предикат+прямое дополнение») и, следовательно, значение сложного слова не выводилось бы из значений компонентов, из их смысловой связи.

Вторая группа существительных по своему количеству значительно уступает первой. Так, например, к двусложным существительным, компоненты которых соединены объектной связью, относятся слова типа *ляншу* «товарищ» (лян—соединять, шу—рука), *гэту* «шаль» (гэ—накрывать, ту—голова).

Среди двусложных существительных, образованных посредством соединения «глагол+существительное», встречается незначительное число слов, не этимологизируемых ввиду утраты вторыми компонентами своего лексического значения. Например, у двуслогов *фичин* «пернатые» (фи—летать), *туйба* «рубанок» (туй—строгать) вторые компоненты *чин* и *ба* в самостоятельном словоупотреблении не встречаются. При сопоставлении с китайским языком мы обнаруживаем, что в нем эти однослоги могут употребляться самостоятельно (*цин* в значении «пернатые», *бао* в значении «рубанок»)³.

В современном дунганском языке, как мы видим, однослоги *чин* и *ба*

¹ А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. Образования типа *stone wall speech sound* в английском языке. Доклады и сообщения Института языкознания, вып. II, стр. 99.

² А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка, I. Части речи, 1952, стр. 40.

³ Указ. Китайско-русский словарь под ред. Ошанина, стр. 393, 675.

употребляются в значении «пернатые», «рубанок» только в сочетании с однослогами-корнями *фи* и *туй*, привлеченными для отграничения *чин* и *ба* от их омонимов.

Наименьшей продуктивностью обладает тип словообразования двусложных существительных, состоящий из соединения числительного с существительным. Например: *штыян* «угощение, устраиваемое на десятый день рождения ребенка» (*шы*—десять, *тян*—день), *сыпан* «кушанье из четырех блюд» (*сы*—четыре, *панзы*—блюдо).

Как мы уже отметили выше, второй тип словообразования двусложных существительных отличается от первого тем, что второй компонент выражен глаголом, а первый — различными частями речи.

По характеру синтаксической связи своих компонентов двусложные существительные второго типа разделяются на две группы: у одной компоненты соединены сочинительной связью, а у другой — подчинительной (объектной).

Наибольшей продуктивностью обладают сочинительные двусложные существительные, отношения компонентов которых соотносительны с синтаксическими отношениями словосочетаний, построенных по типу сочинительной связи. Обои компонентами таких двусложных существительных являются глаголы. Например:

шоко топливо (шо — жечь, ко — греться),
тфандэ одежда; обмундирование (тфан — одевать, дэ — надевать на голову),
цэфын портной (цэ — кроить, фыи — шить) и т. д.

Вторую, менее продуктивную группу двусложных существительных, составляют двуслоги, компоненты которых находятся в отношениях зависимости. Отношения компонентов этой группы соотносительны с синтаксическими отношениями словосочетаний, построенных по типу подчинительной связи. Первый компонент в данном случае выражен существительным, например: *филин* «мираб» (*фи*—вода, *лин*—руководить), *хуошо* «манты особого приготовления» (*хуо*—огонь, *шо*—печь).

В словарном составе современного дунганского языка функционирует также некоторое число двусложных существительных, состоящих из сочетаний синонимов. Сочетание синонимов вызвано также стремлением языка к стабилизации значения однослога-корня. Соединение двух однослогов-синонимов в одно целое большей частью служит средством дифференциации значения однослогов. Сочетаются в основном синонимы-существительные и глаголы.

Двусложные существительные, состоящие из сочетания самостоятельно употребляющихся синонимов, составляют небольшое число слов.

Для иллюстрации приведем несколько примеров:

1. Оба компонента-синонима являются существительными:

а) оба компонента имеют самостоятельное употребление

гуонлэй свет (гуон — свет, лэй — свет),
фуция письмо (фузы — письмо, циян — письмо);

б) один из компонентов самостоятельно не употребляется

шынты тело (шынзы — тело),
бинджи болезнь (бин — болезнь),
лувдо дорога (лув — дорога),
цуюу ошибка (цую — ошибка).

2. Оба компонента-синонима являются глаголами:

а) оба компонента имеют самостоятельное употребление

золу плетеная шумовка (зо — цедить, лу — цедять),
хэтун договор (хэ — соединять, тун — соединять),
лянхэ союз, объединение (лян — соединять, хэ — соединять);

б) один из компонентов не имеет самостоятельного употребления

фубон помощь (бон — помогать),
шехуан отдых (хуан — отдыхать),
тфанзо наряд, одежда (тфан — одеваться).

Вытесненные своими синонимическими парами однослоги, как мы видим, не исчезают из языка, а сохраняются в нем в виде придатков вытеснивших их однослогов-синонимов. Если мы обратимся к некоторым примерам, то убедимся, что сочетание синонимов также играет большую роль в дифференциации значения однослога-корня. Так, однослог *шын* имеет ряд омонимов «тело», «веревка», «голос», «глубокий» и т. п., но у сочетания синонимов *шынты* только одно значение «тело».

Показательно, что некоторые из перечисленных нами однослогов, вытесненные своими синонимическими парами, в родственном китайском языке функционируют как самостоятельные слова. Так, например, однослоги *ву* (см. цуюву), *до* (см. лувдо) в русско-китайском и китайско-русском словарях зафиксированы как самостоятельные лексические единицы.¹

Разумеется, вытесненные однослоги не могли впоследствии сыграть какую-либо существенную роль в образовании новых слов. Понятно, что в образовании новых слов большая роль принадлежит тем однословам, которые вытеснили свои синонимические пары.

Не исключена возможность, что среди встречающихся в современном дунганском языке двуслогов, не поддающихся этимологизации, имеются и такие, которые представляют собой сочетания синонимов. Так, например, двуслоги *цонин* «муха»,² *янсий* «краска», «цвет», *цэлэ* «материал», *пын-ю*³ «приятель» и т. д. представляют собой сочетания синонимов. Однослог *сий* встречается в составе ряда сложных слов, обозначающих названия цветов: *хуэйсий* «цвета золы», *мыйсий* «серый», *чинсий* «синий» и т. д., а *ян*, будучи оформленным суффиксом *-зы*, обозначает «краска для щек и губ». Однослог *ин* в сочетании с суффиксом *-зы* в шэньсийском диалекте дунганского языка употребляется в значении «муха»,⁴ ср. также йинфазы «опахало, которым отгоняют мух». Однослог *лэ* встречается в составе таких слов, как *йуэлэ* «лекарство», «то, что служит лекарством», *филэ* «удобрение» (*фи*—жирный), *сыллэ* «сырье» (*сын*—сырой) и т. д. Как свидетельствуют вышесказанные в последнее время лексикографические пособия, в частности, указанный нами китайско-русский словарь, некоторые однослоги-синонимы, как, например, *ян* и *сий*, в современном китайском языке являются самостоятельными словами-синонимами в значении «цвет».⁵

Сочетание однослогов-синонимов в ряде случаев привело к тому, что один из сочетаемых компонентов-синонимов с течением времени перестал функционировать изолированно, т. е. впоследствии один из компонентов-синонимов был поглощен другим, в результате чего от поглощенного сло-

¹ Чунь Чан-хо, А. Г. Дубровский и А. В. Котов. Русско-китайский словарь, 1951, стр. 150. Китайско-русский словарь под ред. Ошанина, стр. 472, 611.

² Однослог *цон* в карманном китайско-русском словаре Иннокентия зафиксирован как самостоятельная лексическая единица в знач. «муха» (стр. 243).

³ См. П. Шиндт. Синт мандаринской грамматики. Владивосток, 1902, стр. 123.

⁴ Ян-шан-сян Ю. Ганьсийский и шэньсийский диалекты, 1938, стр. 17.

⁵ Указ. Китайско-русский словарь под ред. Ошанина, стр. 679, 773.

ва «осталась только звуковая оболочка, лишенная всякого значения».¹ Сочетание однослогов-синонимов привело также в ряде случаев к утрате обоими компонентами способности к изоляции.

Широко применяется прием сложения синонимов для образования новых слов в современном дунганском языке. Так, за последние годы появились также двусложные существительные, как *луйта* «разрушение», *люхуа* «оползень», *тонлю* «течение» и др., представляющие собой сложение двух односложных глаголов-синонимов.

Если проследить любой синонимический ряд, то мы обнаруживаем в нем один синоним, который является наиболее употребительным, общенародным, более устойчивым—доминантой. Так, из синонимического ряда *фу*, *ханзы*, *нанжын* «мужчина», «муж» синонимом-доминантой является *нанжын*. Это показывает, что некоторые слова, которые в течение ряда эпох были наиболее употребительными (ср. джефу «муж старшей сестры», *гауфу* «муж сестры отца» и т. д.), с течением времени могут выйти из употребления, будучи вытесненными своими синонимическими парами.

Не менее продуктивным способом создания двусложных существительных является сочетание противоположных по значениям корней-антонимов. Этим способом большей частью образуются отвлеченные существительные. Сочетаемые антонимы могут быть существительными, глаголами и большей частью прилагательными. Например:

го—ди высота (го—высокий, ди—низкий),
ха—хо доброта (ха—плохой, хо—хороший),
зон—джин чистота (зон—грязный, джин—чистый),
туйи порядок (ту—голова, начало, йир—конец),
фуйин пари (фу—проиграть, йин—выиграть),
мэмэ торговля (мэ—купить, мэ—продать) и т. д.

Во многих случаях при сочетании антонимов слово, обозначающее отрицательное качество, предшествует слову, обозначающему положительное качество (ср. ха—хо, зон—джин).

В существующей орфографии существительные типа *туйи* пишутся слитно, без дефиса. Такое написание оправдывается тем, что в современном дунганском языке такие существительные не осознаются как слова, образованные сочетанием контрастных понятий. Поэтому многие из них составляют неразложимое по значениям на составные части единое целое. Как утверждает проф. Ван Ляо-и, «слова, образованные из антонимов, первоначально представляли собой сочетание двух слов, противоположных по значению. Впоследствии их стали употреблять для выражения единого понятия, то есть начали рассматривать как единое слово».²

Интересно отметить, что двуслог *цунди* «младший брат» представляет собой, в историческом плане, сочетание антонимов *цун* «старший брат» и *ди* «младший брат»,³ которые в современном дунганском языке уже не функционируют изолированно. Однослог *цун* вытеснен синонимом *га*. Инверсия *цун* и *ди* дала новое слово *дицун* «братья».

Для образования сложных слов широко применяется также прием редупликации корня. Особенно широко используется редупликация для образования сложных прилагательных и наречий, и встречается она в довольно разнообразных формах.

Редупликация корня сыграла очень большую роль не только как средство создания новых слов, но и как грамматическое средство образо-

¹ Ван Ляо-и. Основа китайской грамматики, М., 1954, стр. 26.

² Ван Ляо-и. Указ. раб., стр. 24.

³ Карманный китайско-русский словарь Иннокентия, стр. 47, 158.

вания одной части речи от другой, как средство отграничения однослогов от их омонимов. Редуплицируемый однослог-корень может быть глаголом, существительным и прилагательным.

При редупликации некоторых однослогов-корней, оканчивающихся на *н*, ко второму (редуплицированному) слогу присоединяется суффикс—*р*, а конечное *н* поглощается этим суффиксом. Например:

бынбын название игры (бын—натягивать),
цуоцуо веретено (цуо—сучить),
дондор перегорода (дон—перегородить),
фонфор близнецы (фон—пара),
фынфыр слух, вести (фын—ветер),
хихи сажа (хи—черный) и т. д.

Некоторые однослоги-корни, вышедшие из употребления в качестве самостоятельных слов, в современном дунганском языке функционируют только в редуплицированной форме (*лувлув* «ворот», *суосуо* «саксаул», *двудву* «паук»).

Преобладающая часть терминов родства употребляется в двойной форме: в редуплицированной форме и без нее (*ба* или *баба* «дядя, младший брат отца», *шын* или *шыншын* «тетя, жена младшего брата отца», *дже* или *джедже* «старшая сестра», ср. также *ни* и *нини* «глина» и т. д.), однако при сложении их с другими словами для образования новых слов-терминов родства они не могут употребляться в редуплицированной форме, например: *джедже* «старшая сестра», но *джефу* «муж старшей сестры», *джеджджо* «дядя, брат матери», но *бжюму* «тетя, жена брата матери».

В фольклоре широко применяется своеобразная форма редупликации корня, например: *ю бонбон*, *мэ диди*, минзы джеди тяншици (*загадка*). Здесь вместо уменьшительного *бонбонзы* или ласкательного *бонбор* (бон-бок) мы имеем усеченную форму повторения *бонбон*, а вместо *дидизы* или *дидир* (ди—дно) мы имеем *диди*.

Употребление такой формы редупликации обусловлено исключительно необходимостью получить созвучие (рифмовку) слов *диди* и *тяншици*. Подобная форма больше всего встречается в колыбельных и детских песнях, например: да *муоло* ви *мянмян*, чин *джюджо* тыш *фанфан*. В этом примере мы имеем три редуплицированных в усеченной форме существительных *муоло* (луор—сито), *фанфан* (фан—кушанье), *мянмян* (мян—мука), хотя последнее (мян) в уменьшительной и ласкательной форме вообще не употребляется.

Широко используется редупликация также для образования собственных имен как мужских, так и женских (*Хуахуа*, *Дэдэ*, *Люлю*, *Гага*, *Дыйды* и т. д.).

Следовательно, редупликация служит не только одним из способов образования двусложных существительных. Наличие двуслогов, представляющих собой редупликацию самостоятельно не употребляющихся однослогов-корней, свидетельствует также о большой роли редупликации в дифференциации значения однослогов. Употребление того или иного однослога в редуплицированной форме или без редупликации вызвано также необходимостью в отграничении однослога от омонимов, например *ни* «глина», «обмазать глиной», «мутный», но *нини* обозначает только «глина», *бий* «белый», «нести на спине», «дядя», но *бийбий* обозначает только «дядя».

Здесь мы также наблюдаем явление утраты некоторыми однословами-корнями своего самостоятельного значения в результате редуплика-

ции, ср. *бабазы* «остаток» и *гуоба* «остаток, приставшая ко дну котла часть вареного риса».

Следовательно, двусложные существительные, состоящие из редупликации односложных корней, в современном дунганском языке можно рассматривать в составе двух групп: 1) двуслоги, редуплицируемый корень которых обладает самостоятельным значением и употреблением (*цуюцо* «веретено»); 2) двуслоги, редуплицируемый корень которых не обладает самостоятельным значением и употреблением (*суосу* «саксаул»). Таким образом, двуслоги второй группы не ассоциируются с корнями; здесь мы имеем семантический разрыв между двуслогом и производящей основой.

Краткие выводы

1. Наличие большого числа двусложных существительных, в том числе двуслогов, поддающихся этимологизации только в историческом плане, свидетельствует, что сложение и редупликация корней являются издревле существующими способами словообразования в дунганском языке.

Своей продуктивностью выделяется способ сложения корней; посредством редупликации новые слова в современном дунганском языке почти не образуются.

Сложение и редупликация корней служат не только средствами образования новых слов на базе однослогов-корней, но и одним из средств дифференциации значения однослогов и образования одной части речи от другой.

2. Как известно, развитие основного словарного фонда не сводится только к его количественному накоплению. Приведенные нами примеры показывают, что не все однослоги-корни обладают устойчивостью. Поскольку основной словарный фонд является исторически развивающейся категорией, то в нем, наряду с появлением новых слов, происходит также выпадение некоторых звеньев.

3. Сложение и редупликация корней в ряде случаев способствует утрате тем или иным однослогом своего значения и самостоятельного употребления, что, однако, не приводит к их исчезновению из языка; они обычно сохраняются в составе сложных слов.

4. Значение того или иного вышедшего из употребления компонента сложного слова нередко можно выявить путем сопоставления с родственным китайским языком, а также частоты сочетаемости этого корня с другими корнями.

5. Поскольку часть двуслогов-существительных совершенно не поддается морфемному анализу, то, естественно, они воспринимаются не как сложные слова, а как простые. Такие двуслоги могут быть рассмотрены как сложные слова только в историческом плане.

В длительном процессе словообразования двусложных существительных происходят два диаметрально противоположные явления: постепенное увеличение сложных слов и постепенный переход некоторых из них в категорию неразложимых, а в конечном итоге в категорию простых слов, отличающихся от типичных простых слов лишь своим количественным составом слогов. Таким образом, для современного дунганского языка характерны не только односложные, но и двусложные корни.

6. Трудность этимологизации ряда двусложных существительных зависит не только от того, что тот или иной корень исчез в функции самостоятельного слова, но и в некоторых случаях от изменения тональной структуры одного из корней, ср. *цэфын* «портной», где второй компонент

произносится в нисходящем тоне, а при самостоятельном употреблении — в ровном.

7. Не все морфологические типы сложения корней в одинаковой степени являются продуктивными. Наибольшей продуктивностью обладают морфологические типы, представляющие собой соединение существительных с существительными, прилагательных с существительными, глаголов с существительными.

В современном дунганском языке почти не встречаются новообразования, где бы один из компонентов выступал в качестве определителя значения другого компонента. Почти не образуются также новые слова посредством редупликации корня.

8. Сложение корней в ряде случаев соприкасается с синтаксисом, ибо слагаемые элементы сложного слова соединяются между собой по типу синтаксических отношений. Однако сложные слова обладают в ряде случаев необходимыми признаками — цельностью семантики и цельноформленностью, позволяющими отграничить их от соотносительных словосочетаний.

9. В результате частого употребления в качестве второго компонента определенного класса сложных существительных некоторые однослоги-корни семантически ослабевают и постепенно превращаются в словообразовательные суффиксы, таковы, например, *хай*—*чунхан* «бедняк», *кфухан* «трудящийся», *фон*—*мэфон* «мельница» *цувфон* «купежное заведение» и др.

10. Одним из характерных признаков сложных существительных, в отличие от словосочетаний, является то, что они могут образоваться как от сочетания односложных слов, так и от сочетания корней, в качестве самостоятельных слов требующих оформления суффиксами предметности. Значение этих корней, разумеется, легко воспринимается, так как они являются носителями грамматически не оформленного понятия, которое может быть реализовано посредством присоединения к корням соответствующих суффиксов предметности.

Интересно отметить, что некоторые однослоги-корни, в ганьсуйском диалекте требующие в качестве самостоятельных слов оформления соответствующими суффиксами, в шэньсийском диалекте этого не требуют, например: *зор* и *зо* «финик», *лузы* и *лу* «печь», «очаг»¹.

11. Словообразовательным законам, как и законам грамматическим, свойственно абстрагирование, отвлечение от частного и конкретного. Обобщенный характер словообразовательных законов выражается в том, что каждая категория слов образуется по определенной словообразовательной форме. Хотя эти слова имеют различное лексическое значение, однако их объединяет общий семантический признак. Так, например, двусложные существительные, обозначающие названия определенного класса слов, образуются посредством сочетания однослога, выражающего более узкое, частное видовое понятие, с однослогом, выражающим более общее, родовое понятие, ср. *фу* «дерево» и *гуофу* «яблоня», *хыифу* «урюк» и т. д. Преобладающее большинство определительных двусложных существительных образуется по модели: определитель + определяемое, например: *тешыи* «цепь», *мыицо* «солома», *еджи* «фазан» и т. д. Следовательно, большое число двусложных существительных обобщается на основе общей словообразовательной модели и общего значения.

12. Наименования некоторых предметов, обозначаемых двуслогами-существительными, образованы по определенным семантическим законам. Нередки случаи, когда для обозначения какого-нибудь предмета

¹ Ю. Яншансин. Ганьсуйский и шэньсийский диалекты, стр. 19.

употребляется слово, обозначающее часть этого предмета, т. е. целое обозначается по части, например: *бинма* «войско» (бин—солдат, ма—конь), *чёнпо* «вооружение» (чён—винтовка, по—орудие) и т. д.

Такие двуслоги, как *кфугуй* «штанина» (кфузы—брюки, туй—нога), *фику* «место, откуда отводится вода» (фи—вода, ку—рот), и др. образованы посредством перенесения на них названий органов человеческого тела. В основе образования значений некоторых двуслогов, как, например, *хунню* «жук—рогач» (хун—красный, ню—корова), лежит закон сходства признаков.

13. Разумеется, не все однослоги-корни в одинаковой степени продуктивны в образовании сложных слов, в том числе двусложных существительных. Часть из однослогов-корней участвует, в качестве одной из составных частей, в образовании довольно большого числа новых слов, например, однослог-корень *фи* «вода» встречается в составе более 50 сложных слов (*фиийн* «ртуть», *ханфи* «слиюна», *янфи* «рассол», *финю* «плавунец», *фийуэ* «микстура» и т. д.), однослог *хуо* «огонь» участвует в образовании более 30 сложных слов (*хуойуэ* «порох», *хуогшэ* «поезд», *хуофон* «кухня», *хуогун* «кочерга» и т. д.).

СОДРУЖЕСТВО НАУКИ С ПРОИЗВОДСТВОМ

А. Я. ЗАПЛАВНЫЙ

Кандидат экономических наук

К УСТАНОВЛЕНИЮ НОВЫХ КОНДИЦИИ НА ПОЛИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ РУДЫ АЛТАЯ

Расширенное социалистическое воспроизводство предполагает возрастание запасов и добычи минерального сырья, являющегося базой развития тяжелой индустрии.

В. И. Ленин в работе «Очередные задачи советской власти» писал, что сырьевая проблема — одна из важных в деле дальнейшего укрепления и развития нового социалистического строя.

Коммунистическая партия и Советское Правительство уделяют особое внимание геологоразведочному делу. В директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг. записано: «Обеспечить прирост разведанных запасов богатых железных руд и никеля в размере 30—35 проц. от запасов на начало пятилетия, меди, бокситов, титана, фосфоритов и борного сырья 40—45 проц., вольфрама 50—55 проц., свинца и олова 55—60 проц., молибдена 65—70 проц., ртути 75—80 проц...»¹.

Ресурсы страны по цветным металлам определяются запасами сырья по категории А—В—С₁—С₂. Важное значение имеет их классификация по промышленной ценности при данном уровне техники и технологии. С этой точки зрения запасы руд подразделяются на геологические, в которые входят все учтенные запасы данного месторождения, и балансовые руды, к которым относится только часть учтенных запасов, по мощности и условиям залегания удовлетворяющие современные горнотехнические требования, а по содержанию металла соответствующие промышленным кондициям².

Соответствующей инструкцией Всесоюзной Государственной комиссии предусматривается особая категория так называемых забалансовых руд, к которым относятся непромышленные запасы, прежде всего из-за низкого процентного содержания металлов, а также незначительных размеров и малой мощности рудного тела, тяжелых условий их разработки и т. д.

Таким образом, размеры балансовых запасов в значительной мере зависят от кондиций, прежде всего от промышленного минимума содержания металла в породе. Под промышленным минимумом подразумевается самое низкое процентное содержание металлов в породе, которое дает возможность рентабельно использовать ее при данном уровне

¹ Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1956, стр. 25.

² Совокупность требований-условий, которым должна удовлетворять промышленная руда, называется кондициями.